

НИКА МУР

НИКА МУР — ИНКВИЗИТОР ДЛЯ РАЗВЕДЁНКИ

ИНКВИЗИТОР
ДЛЯ РАЗВЕДЁНКИ
БЫВШИЙ, ТЫ ПОПАЛ!
ПОПАДАНЕЦ

Ника Мур

Инквизитор для разведёнки. Бывший, ты попал!

<https://litres.ru/74469238>

Аннотация

— Кто этот человек, Ольга?! — Вадим тыкал дрожащим пальцем в сторону моей спальни. Я посмотрела на Адриана. Двухметровый инквизитор в кожаном доспехе, со шрамом через всю щеку и взглядом, от которого замерзает кровь, выглядел в моей современной гостиной как ожившая кара божья. — Госпожа, — голос Адриана прозвучал как удар колокола, — Это жалкий червь. Позволь мне очистить этот мир от его скверны. — Не надо его очищать, Адриан, — вздохнула я, перехватывая его тяжелую руку. — У нас за это дают пожизненное. — В моем мире за измену вешают на городской площади, — холодно отрезал он. — Но если ты просишь... я просто заставлю его искренне покаяться.

Я думала, что в сорок три года жизнь закончена. Но судьба решила иначе, выкинув из магического портала прямо на мой ковер израненного Инквизитора.

Адриан не умеет пользоваться лифтом, считает микроволновку демоническим ящиком и называет меня «своей

госпожой». Он суров, фанатичен и чертовски красив. Он пришел из мира, где грехи сжигают огнем.

И кажется, у моего бывшего мужа намечаются большие проблемы. Ведь мой личный Инквизитор взялся за дело...

В книге вас ждут: Героиня с характером: умная, ироничная женщина, которая больше не позволит себя обижать. Настоящий мужчина: суровый, сильный, преданный Адриан (идеальный «шкаф» с благородным сердцем). Месть — это блюдо, которое подают холодным: смотрим, как бывший муж захлебывается собственной жадностью. Юмор и быт: как выжить инквизитору в Москве? (Спойлер: робот-пылесос будет объявлен прихвостнем тьмы). Химия и страсть: когда между героями искрит так, что выбивает пробки. Хэппи-энд без вариантов!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3(Адриан)	19
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7(Адриан)	53
Глава 8	61
Глава 9	70
Глава 10(Адриан)	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Свидетельство о расторжении брака лежало на кухонном острове, как смертный приговор, обжалованию не подлежащий. Хотя почему «смертный»? Скорее, справка об освобождении из колонии строгого режима.

Двадцать лет. Половина жизни. Черт, да я инвестировала в Вадима больше времени и сил, чем в любой банковский вклад, а на выходе получила дырку от бублика и пожелание «найти свое счастье». Счастье Вадима сейчас, судя по соц-сетям, вовсю плескалось в бассейне на Бали, мазало кремом от загара упругую попу двадцатитрехлетней Анжелы и вряд ли вспоминало о бывшей жене.

Я отхлебнула «Шабли» прямо из бокала, не заботясь о приличиях. В сорок три года имею право пить в одиночестве, глядя на огни ночной Москвы и тишину своей новой, пугающе пустой квартиры.

— Ну, за свободу, Оля, — пробормотала я, салютуя отражению в панорамном окне. — За то, чтобы больше никогда не выглаживать сорочки человеку, который тебя не стоит.

Я была профессиональным психологом. Я знала всё о стадиях горевания: отрицание, гнев, торг... Сейчас я застряла где-то между «купить абонемент в спортзал» и «сжечь все его оставшиеся галстуки».

Внезапно воздух в гостиной загустел. Это не было похоже

на сквозняк — скорее на то, как если бы пространство вокруг меня превратилось в кисель. Лампочки в люстре подозрительно мигнули и с противным треском лопнули, погрузив комнату в густой сумрак.

— Зашибись, — выдохнула я, опуская бокал. — Электрика в этом доме такая же надежная, как клятвы моего бывшего.

А потом грохнуло.

Прямо посреди комнаты, там, где еще секунду назад стоял мой любимый дизайнерский столик, разверзлась воронка. Из неё пахнуло чем-то невозможным: гарью, сырой землей и старым железом. И прежде чем я успела закричать или хотя бы уронить бокал, из этой дыры в реальности вывалилось нечто.

Тяжелое тело с глухим стуком приземлилось на мой светлый ковер. Воронка схлопнулась так же мгновенно, как и появилась, оставив после себя лишь едкий запах озона и звенящую тишину.

Я замерла, вцепившись в край столешницы. Сердце колотилось где-то в горле.

На ковре лежал мужчина. Огромный. В моем представлении люди таких габаритов обычно занимаются пауэрлифтингом или вышибают двери в спецназе. На нем была странная, словно побитая молєю и временем, кожаная броня. Темно-коричневый плащ, залитый чем-то подозрительно похо-

жим на кровь, распластался крыльями по ворсу ковра.

— Эй... — мой голос прозвучал как жалкий писк. — Вы... вы живы?

Мужчина не ответил. Он тяжело и хрипло дышал. Его руки, закованные в наручи с какими-то странными символами, были сжаты в кулаки.

Я — психолог, а не реаниматолог, но инстинкт самосохранения подсказал: если он сейчас умрет в моей гостиной, полиция точно не поверит в историю про портал.

Я осторожно сделала шаг вперед, потом еще один. В полумраке, подсвеченном только огнями города из окна, я увидела его лицо. Жесткое, с резко очерченными скулами и короткой, недельной щетиной. По лбу стекала струйка крови, запекшаяся на виске.

Он выглядел... величественно. И опасно. Как дикий зверь, которого загнали в угол, но еще не добились.

Я потянулась к его плечу, намереваясь проверить пульс, но стоило моим пальцам коснуться грубой кожи его доспеха, как мужчина взорвался движением.

В одно мгновение он перекатился, и прежде чем я успела осознать, что происходит, я оказалась прижата спиной к стене. Сильная, мозолистая ладонь сомкнулась на моем горле — не до удушья, но достаточно крепко, чтобы я поняла: спорить бесполезно.

Второй рукой он прижал к моему лицу нечто холодное и острое. Кинжал. Настоящий, из зазубренной стали.

— Где я, демоница? — его голос был подобен грому в горах. Глубокий, вибрирующий, пробирающий до самых костей.

Он смотрел на меня глазами цвета грозового неба. И в этих глазах не было страха. Там была ярость, смешанная с невыносимой болью.

— Я... я не демоница, — выдавила я, стараясь не смотреть на лезвие у своего носа. — Я Ольга. И вы портите мой ковер. Кровью.

Он прищурился. Его взгляд метнулся к работающему телевизору в углу, где как раз шла реклама какого-то йогурта. Для него это, должно быть, выглядело как магия или окно в ад.

— Лжешь, — прошипел он, прижимаясь ко мне всем телом. Я почувствовала жар, исходящий от него, запах металла и... чего-то мужского, дикого. — Это Чистилище? Или владения Пятого круга? Отвечай, пока я не отправил твою душу на исповедь!

— Послушайте... — я сделала глубокий вдох, включая свой «профессиональный» голос, которым обычно успокаивала истеричек. — У вас шок. У меня шок. У нас обоих плохой вечер. Давайте вы уберете эту железку, и мы обсудим, кто из нас в каком кругу находится.

Он на мгновение замешкался. Его рука, державшая кинжал, дрогнула. Я заметила, как его зрачки расширились, а лицо побледнело еще сильнее. Он не просто был ранен — он

едва держался на ногах.

— Адриан... — выдохнул он, словно называя свое имя, чтобы не забыть его в этом безумии. — Брат-инквизитор Первого ордена... не падет перед...

Его глаза закатились, хватка на моем горле ослабла, и он рухнул вперед, придавливая меня своим весом. Кинжал со звоном упал на ламинат.

— Ну вот, — прохрипела я, пытаюсь выбраться из-под горы мышц и средневекового снаряжения. — Приплыли. Вадим обещал, что я после развода буду «никому не нужна». Знал бы он, что ко мне в первый же вечер мужики с неба падать начнут...

Я с трудом вылезла из-под бесчувственного тела Адриана и посмотрела на свидетельство о разводе. Оно всё еще лежало на столе.

Кажется, «спокойная жизнь после сорока» отменяется.

Глава 2

Тяжесть этого мужчины была почти осязаемой — не просто вес костей и внушительной мышечной массы, а какая-то плотность самой его сути, словно на мой ковер рухнул кусок скалы. Я задыхалась, вжатая в стену, чувствуя, как по моему щеке медленно стекает капля пота. В прихожей всё ещё пахло озоном, так остро, что щипало в носу, а лопнувшие лампочки в люстре казались нелепыми стеклянными огрызками.

— Да чтоб тебя... — прохрипела я, упираясь ладонями в его жесткое плечо.

Он не шевелился. Рука, только что сжимавшая мое горло, бессильно соскользнула вниз, оставив на коже ощущение жгучего холода. Я с трудом вывернулась из-под него, едва не ударившись головой о столик, и села на пол, жадно хватая ртом воздух.

Мой новый, безупречно-бежевый ковер «шегги» медленно пропитывался чем-то темным и густым. Кровь. В тусклом свете уличных фонарей, пробивавшемся сквозь панорамное окно, она казалась черной мазутой.

Мой мозг, выдрессированный годами психологической практики и двумя высшими образованиями, включился мгновенно. Первая мысль: «Вызывай полицию и скорую». Вторая: «Объясняй им потом, откуда посреди закрытого ЖК на тридцать втором этаже взялся окровавленный рыцарь с

засубренным тесаком».

Я потянулась к айфону, лежавшему на кухонном острове рядом с недопитым вином. Пальцы уже зависли над кнопками экстренного вызова, когда воздух в комнате снова коротко завибрировал. Медальон на груди незнакомца — массивный диск из темного, тусклого металла — вдруг выдал неяркий пульсирующий импульс. Короткая вспышка, похожая на светлячка в тумане, и по моей ладони, коснувшейся столешницы, пробежал разряд статического электричества.

Тихий шепот пронесся по комнате, хотя окна были закрыты. Это не был голос — скорее, эхо чужой боли, так отчетливо ударившее по моим нервам, что я едва не выронила телефон.

— Ну нет, Оля, только не говори, что твой знаменитый «синдром спасателя» решил проснуться именно сейчас, — пробормотала я сама себе. — Мужик в косухе с ножом. Это не твой профиль. Твой профиль — депрессивные домохозяйки и топ-менеджеры с выгоранием.

Я посмотрела на него снова. Плащ незнакомца был не просто грязным — он был иссечен в клочья. Из-под разреза кожаного доспеха на боку виднелась глубокая рана. Края её были неровными, рваными, и из них сочилась кровь, перемешанная с какой-то странной сизой гарью.

Если я сейчас позвоню в 112, его заберут. Санитары, полиция, допросы, клетка. И почему-то внутри меня, в самом низу живота, свернулось странное, почти физическое предчув-

ствие: он не переживет их «помощи». Этот Адриан принадлежал другому миру так же явно, как я принадлежала своей уютной квартире с умным домом и подпиской на Netflix.

— Дура ты, Олька, — вздохнула я, откладывая телефон. — Вадим всегда говорил, что твоя интуиция тебя когда-нибудь погубит.

Я быстро пошла в ванную. В голове уже выстроился план. В моем доме всегда была аптечка, собранная с параноидальной тщательностью: бинты, антисептики, гемостатики. Работа психолога приучила меня к тому, что катастрофа может случиться в любой момент, правда, обычно она случается внутри черепной коробки клиента.

Вернувшись, я опустилась на колени рядом с ним. Запах стал сильнее: конский пот, старое железо и... ладан? Очень странное сочетание для современного мегаполиса.

Я взяла свои кухонные ножницы — тяжелые, немецкие, которыми обычно разделявала курицу — и решительно разрезала шнуровку на его кожаном нагруднике. Кожа была толстой, настоящей, пахнувшей дегтем. Под ней обнаружилась льняная рубашка, ставшая от крови тяжелой и липкой.

Когда я освободила его плечи и грудь, у меня перехватило дыхание.

Это не было телом обычного человека. Весь торс Адриана представлял собой карту сражений. Старые шрамы перекрещивались, накладывались друг на друга: тонкие белые нити, грубые багровые рубцы, следы от ожогов. Но больше всего

меня поразила кожа — она была бледной, почти мраморной, и при этом горячей, как у человека в сильной лихорадке.

— Так, спокойно, — я вскрыла пакет с гемостатической губкой. — Сейчас мы это прижмем...

Стоило мне прикоснуться к его ране на боку, как он дернулся. Не проснулся, нет — по его телу прошла судорога, а пальцы снова сжались, едва не раздавив мой ламинат. Из-под его век выкатилась одинокая слеза, исчезнув в густой щетине.

И в этот момент я коснулась его медальона. Случайно, краем ладони.

Мир вокруг меня на секунду схлопнулся. Я увидела не свою гостиную, а серое небо, затянутое дымом. Увидела ряды людей в черных рясах, блеск костров и почувствовала такой ледяной, парализующий ужас, что едва не закричала. Это был не мой страх. Это был его груз. Его работа. Его проклятие.

Картинка исчезла так же быстро, как появилась. Я сидела на полу, тяжело дыша, а мое сердце колотилось в ритме четки.

— Инквизитор... — прошептала я, вспоминая его слова. — Брат-инквизитор.

Я осторожно перевернула его на бок, чтобы осмотреть спину. Рубаха соскользнула, обнажая широкие лопатки. И там, между ними, я увидела то, что заставило мои волосы на затылке зашевелиться.

На коже была выжжена метка. Не татуировка, а глубокое клеймо в виде стилизованной буквы «I», обвитой терновым венцом. Кожа вокруг знака была воспаленной, словно клеймо нанесли совсем недавно, или оно реагировало на его перемещение в наш мир.

Я замерла. В моей голове, привыкшей всё раскладывать по полочкам, произошел сбой. Психолог во мне твердил: «Это жертва культа, ему нужна психиатрическая помощь». Но женщина во мне, та самая, что двадцать лет терпела эмоциональный холод Вадима, видела другое. Она видела мужчину, который прошел через ад, но не сломался. Мужчину, чей единственный кинжал сейчас светился на полу тусклым синим пламенем.

Я осторожно подошла к кинжалу. Он лежал возле дивана. Я протянула руку, ожидая ожога, но сталь оказалась ледяной. Даже через рукоять чувствовалась вибрация — низкий гул, похожий на мурлыканье огромного кота. Когда я подняла его, свет от лезвия стал ярче, освещая мою гостиную призрачным, мертвенным светом.

— Господи, Оля, во что ты вляпалась? — я положила кинжал на высокую полку стеллажа, подальше от его рук.

Следующие два часа прошли как в тумане. Я промывала его раны, используя литры хлоргексидина. К счастью, рана на боку оказалась не такой глубокой, как я думала сначала — лезвие скользнуло по ребрам, не задев органы. Я наложила швы. Да, я умела это делать — папа был полевым хирургом

и считал, что дочь должна уметь зашить рану так же хорошо, как приготовить борщ.

Когда я закончила, Адриан выглядел чуть лучше. Я укрыла его своим любимым кашемировым пледом, который на его широких плечах смотрелся как детская пеленка.

Уже начало рассветать. Небо над Москвой стало грязно-розовым, город просыпался, за окнами послышался первый гул машин. Я сидела в кресле напротив своего «гостя», сжимая в руках остывшую чашку кофе.

Мой взгляд упал на его руки. Огромные ладони, покрытые мозолями от меча, теперь мирно покоились на плече. На указательном пальце правой руки я заметила кольцо — тяжелую печатку с тем же символом инквизиции.

Он был здесь. Реальный. Могущественный и беспомощный одновременно.

Внезапно его дыхание изменилось. Из тяжелого и хриплого оно стало ровным, а затем Адриан резко открыл глаза.

В этих глазах не было утренней дымки или замешательства. В них мгновенно вспыхнул острый, как бритва, интеллект. Он не пошевелился, не вскочил — просто лежал и смотрел на меня, изучая, словно я была новым видом опасного насекомого.

— Ты всё еще здесь, демоница, — произнес он. Голос был сухим, надтреснутым, но в нем снова зазвучала та властная нота, которая заставляла подчиняться.

Я сделала глоток кофе, стараясь, чтобы руки не дрожали.

— Во-первых, я не демоница, Адриан. Я Ольга. Во-вторых, вы находитесь в моей квартире, и я только что потратила три часа, чтобы вы не истекли кровью на моем ковре. Так что «спасибо» было бы более уместным началом разговора.

Он медленно перевел взгляд на свою перебинтованную грудь, потом на плед. Его брови нахмурились. Он явно пытался осознать мягкость ткани и странный запах кондиционера для белья «Альпийские луга».

— Где мой клинок? — спросил он, и в его голосе прорезалась сталь.

— На полке. Вне зоны вашего доступа, пока вы не пообещаете меня не резать.

Адриан попытался сесть. Он охнул, лицо исказилось от боли, но он всё равно заставил себя принять вертикальное положение. Плед сполз, обнажая его мощную, туго забинтованную грудь. Он выглядел как античный бог, которого по ошибке занесли в мебельный салон «ИКЕА».

— Ты коснулась моей плоти, — он посмотрел на меня так, словно я совершила кощунство. — Ты связала мои раны своими чарами. Зачем?

— Это называется «первая помощь», — я поставила чашку. — И это не чары, а медицина двадцать первого века. Слушайте, Адриан... я не знаю, из какой дыры в пространстве вы выпали, но здесь не жгут людей на кострах и не ищут демонов в каждом встречном. Здесь вызывают полицию, если видят человека с ножом.

Он замер, прислушиваясь к звукам за окном. Сирена скорой помощи где-то вдалеке заставила его вздрогнуть.

— Гул... — прошептал он. — Ты слышишь? Тысячи душ стонут в металлическом чреве этого города. Это преддверие Тьмы.

Я вздохнула. Посттравматическое расстройство в сочетании с культурным шоком. Типичный случай, если не считать того, что мой пациент пришел из средневековья.

— Это всего лишь МКАД, Адриан. Москва. Столица. И если вы хотите здесь выжить, вам придется забыть про свои инквизиторские замашки.

Он медленно поднял руку и посмотрел на свои пальцы, потом на меня. В его взгляде вдруг появилось что-то новое. Не ярость, а глубокое, бесконечное одиночество человека, который потерял всё, во что верил.

— Я чувствую твой мир, Ольга, — произнес он тихо. — В нем нет магии, но в нем есть... — он запнулся, подбирая слово. — Шум. Слишком много шума. И ты... ты светишься в этом шуме, как свеча в склепе.

Я не знала, что на это ответить. Вадим за десять лет не сказал мне ничего более поэтичного, чем «Оля, где мои ключи?».

— Ложитесь обратно, — я встала и подошла к нему. — Вам нужно восстановить силы. И... нам придется что-то придумать с вашей одеждой. В этом кожаном лифчике вы долго не протянете — соседи вызовут наряд быстрее, чем вы

скажете «ересь».

Он посмотрел на мою руку, когда я потянулась поправить плед. На секунду мне показалось, что он снова перехватит мое запястье, но Адриан лишь прикрыл глаза.

— Ты не демоница, — признал он, словно ставя печать на документе. — Но ты определенно колдунья. Ни одна обычная женщина не решится подойти к раненому волку.

— Я психолог, Адриан. Мы привыкли работать с волками. Только обычно они носят галстуки и очень много врут.

Я отошла к окну, глядя, как солнце окончательно заливает город светом. Внизу, во дворе, из подъезда вышел Вадим — я узнала его по характерной походке «хозяина жизни». Он сел в свою новую машину и уехал, даже не взглянув на мои окна.

Я посмотрела на отражение Адриана в стекле. Суровый воин из другого мира спал на моем диване, и почему-то сейчас, с этим огромным, опасным «чужим» в комнате, я впервые за много месяцев почувствовала себя в полной безопасности.

Это было безумие. Самое настоящее, клиническое безумие. И мне это чертовски нравилось.

Глава 3(Адриан)

(от лица Адриана)

Смерть должна была пахнуть иначе.

В молитвенниках ордена Первого Круга говорилось о запахе серы, о ледяном дыхании Бездны или, если тебе повезет, о благоухании небесных садов, где вечно цветет жасмин. Но это место... оно пахло странно. Чистотой. Той пугающей, стерильной белизной, от которой свербит в затылке. Так пахнет в храме перед великим праздником, когда послушники до блеска вычищают алтарные плиты, но здесь этот запах был повсюду.

Я открыл глаза и тут же зажмурился. Свет. Он не дрожал, как пламя свечи, не коптил, как факел. Он лился отовсюду — ровный, безжалостный, мертвенно-белый. Я лежал на чем-то невообразимо мягком, и это пугало больше, чем казематы еретиков. Инквизитор не должен спать в облаках. Инквизитор должен чувствовать твердость земли под спиной, чтобы не забыть, ради чего он сражается.

— Вставай, брат Адриан, — прошептал я себе под нос, пробуя голос на вкус. Горло саднило, словно я наглотался битого стекла. — Твое испытание еще не окончено.

Я заставил себя сесть. Каждое движение отдавалось в боку тупой, пульсирующей болью, но это была хорошая боль. Живая. Значит, я всё еще в теле. Значит, Переход не разорвал

мою душу на лоскуты, как это случилось с теми несчастными, кого мы пытались перебросить через Завесу в прошлые годы.

Я огляделся. Помещение, в котором я оказался, было тесным, но ослепительным. Стены были выложены идеально ровными плитами белого камня — настолько гладкого, что в нем отражалось мое перекошенное лицо. Серебряные трубы выходили прямо из стен, изгибаясь причудливыми змеями.

Это не было Чистилищем. Для Ада здесь было слишком спокойно. А для Рая... слишком много странных механизмов.

Я спустил ноги на пол. Плитка под стопами оказалась холодной. Мои сапоги исчезли, как и доспех. На мне была только нижняя рубаха, и ту кто-то разрезал, заменив мои грубые бинты чем-то белым и пахнущим аптекарской лавкой.

«Демоница», — вспомнил я. Женщина с глазами цвета грозового неба и странно спокойным голосом. Она коснулась меня. Она видела мое клеймо. В моем мире любая баба пала бы ниц, воя от ужаса при виде знака Ордена, или попыталась бы вонзить нож в спину, если бы в её жилах текла черная кровь. Эта же... она смотрела на меня так, словно я был просто раненым бродяжкой, забредшим на её порог.

Я встал, пошатываясь. Стены слегка поплыли перед глазами. В углу зашуршало. Я вскинул руку, готовясь призвать Искру, но ладонь осталась пустой. Холодная пустота внутри вместо привычного жара веры. Магия этого мира... её не

было. Совсем. Я был пуст, как выгоревший фитиль свечи.

Шум доносился из-за стены. Это был не один голос — тысячи. Тонкие, дребезжащие звуки, странная музыка, гул, похожий на рык сотен обезумевших зверей.

— Где я? — мой шепот утонул в этом неестественном многоголосье.

Я подошел к самому странному предмету в этой келье. Огромное, от пола до потолка, зеркало. В моем мире зеркала из полированной бронзы были редкостью, доступной лишь высшим иерархам, да и те давали смутное, дрожащее отражение. Здесь же...

Я замер. Из зазеркалья на меня смотрел старик. Нет, не старик — мужчине в отражении было не больше сорока пяти, но в его глазах застыла усталость целых поколений. Лицо в бурой щетине, резкие морщины у рта, шрам, пересекающий скулу — память о битве при Черных Скалах. И плечи... они казались слишком широкими для этого тесного, светлого пространства. Я выглядел здесь как кусок неотесанной скалы в ювелирной лавке.

Я повернулся спиной к зеркалу, вывернув шею. Там, между лопатками, чернело мое проклятие. Клеймо Инквизитора. Оно выглядело уродливо на фоне белых бинтов. В этом стерильном мире мой знак казался грязным пятном, напоминанием о крови, которую я пролил во имя Света.

Внезапно одна из труб на стене издала громкий щелчок. Я отпрянул, инстинктивно ища рукой рукоять меча, но нащу-

пал только пустоту. Из серебряного изгиба над белой чашей начала капать вода.

Я заворуженно смотрел, как прозрачные капли разбиваются о камень. Вода была чистой. Кристальной. В моем мире такую можно было найти только в высокогорных ледниках, да и то после того, как жрецы очистят её молитвами. Здесь же она просто лилась из стены.

Я протянул руку к блестящему рычагу, похожему на рукоять кинжала. Стоило мне коснуться его, как из трубы ударил мощный поток. Я вскрикнул, отдергивая руку — вода была горячей. Не просто теплой, а обжигающей, словно её только что сняли с огня.

— Чары... — выдохнул я.

Ни костров, ни дров, ни рабов с мехами. Просто поворот рычага — и стихия подчиняется. Если эта женщина — хозяйка такого могущества, то насколько же она велика в своем мире? И почему она живет так... просто? В её обители не было ни стражи, ни слуг. Только тишина, прерываемая гулом за окном.

Я вышел из белой комнаты. Рана в боку отозвалась резким уколом, напоминая, что я всё еще смертен.

Гостиная, в которую я попал, была залита утренним светом. Огромные окна — от пола до потолка — открывали вид, от которого у меня перехватило дыхание.

Я подошел к стеклу, прижавшись к нему лбом. Под моими ногами лежал город. Нет, это не был город — это был кош-

мар безумного архитектора. Башни из стекла и камня вонзались в небо, царапая облака. Они стояли так плотно, что между ними едва виднелись нити дорог, по которым ползли тысячи разноцветных жуков. Гул, который я слышал, доносился оттуда. Это был стон металла, рев двигателей, жизнь миллионов людей, запертых в этой каменной тесноте.

— Пятый круг... — прошептал я. — Я в обители демонов.

— В Москве пробки десять баллов, Адриан. Это похуже любого ада, поверь мне на слово.

Я резко обернулся. Она стояла в проеме, отделявшем комнату от кухни. В руках она держала странный белый предмет, из которого шел пар. На ней была мягкая одежда — штаны из синей грубой ткани и нечто серое, облегающее её плечи. Её волосы, короткие по меркам женщин моего мира, были растрепаны, а на лице не было ни капли страха. Только усталость и... любопытство.

— Ты проснулся, — она сделала глоток из своего сосуда. — И уже успел познакомиться с сантехниккой. Надеюсь, ты ничего не сломал? Плитка дорогая, а сантехник приедет только к вечеру.

— Кто ты? — я выпрямился, стараясь придать своему голосу величие, которого сейчас не чувствовал. — Ты — правительница этого места? Колдунья, удерживающая город в своей власти?

Ольга (так она назвала себя ночью) тихо рассмеялась. Этот смех не был злым. Он был... обычным. Так смеется

сестра, когда брат совершает глупость.

— Я психолог, Адриан. Я помогаю людям не сойти с ума, когда их жизнь превращается в то, что ты сейчас видишь за окном. И нет, я не колдунья. В моем мире магию заменили ипотекой и вай-фаем. Садись. Тебе нужно поесть.

Она указала на высокий стул возле стола. Я не шелохнулся.

— Я не стану вкушать твою пищу, пока не узнаю, какова цена. Инквизитор не принимает даров от незнакомцев.

— Цена — твоё хорошее поведение, — она подошла ближе, и я невольно напрягся. От неё пахло лавандой и тем горьким напитком, который она пила. — Ты в моей квартире. Ты ранен. У тебя нет документов, нет денег и, судя по всему, нет ни малейшего представления о том, как работает дверной замок. Ты — мой пациент поневоле. И пока ты не поправишься, ты будешь делать то, что я скажу. Это понятно?

Я посмотрел на неё сверху вниз. Она была ниже меня на голову, слабее физически, в её руках не было оружия. Но её взгляд... в нём была сила, которую я привык видеть только у Магистров Ордена. Уверенность человека, который знает свои границы и не позволит их нарушать.

— Ты дерзкая, женщина, — я медленно опустился на стул. Дерево под моим весом жалобно скрипнуло. — В моем мире за такие речи тебя бы высекли на площади.

— А в моем мире за «высекли» садятся в тюрьму на пять лет, — она поставила передо мной тарелку. На ней лежало

что-то круглое, желтое и исходящее паром. — Ешь. Это омлет. Обещаю, я не подсыпала туда яд ехидны. У меня его просто нет, санкции, знаешь ли.

Я осторожно взял странный металлический инструмент с четырьмя зубцами.

— Это вилка, — подсказала она, присаживаясь напротив. — Ею едят. Не убивают, не ковыряют в зубах, а просто доносят еду до рта. Попробуй, тебе понравится.

Я отломил кусочек желтой массы. Вкус был нежным, почти воздушным. Я и забыл, когда ел в последний раз. В походе мы грызли сухари и вяленое мясо, запивая их кислым вином. Это же блюдо таяло на языке.

— Почему ты это делаешь? — спросил я, не поднимая глаз. — Я ворвался в твой дом. Я угрожал тебе смертью. Я принес с собой запах крови и войны. Почему ты не отдала меня стражам своего города?

Ольга долго молчала. Я чувствовал её взгляд — изучающий, проникающий под кожу.

— Знаешь, Адриан... — она крутила в руках свою чашку. — Вчера я развелась. Это значит, что человек, с которым я прожила двадцать лет, предал меня. Он выбросил нашу жизнь на помойку, потому что нашел вариант «поновее». Я сидела здесь и думала, что мир — это довольно паршивое место. А потом появился ты.

Она горько усмехнулась.

— Ты выпал из ниоткуда. Ты был весь в крови, ты был на-

пуган, но ты... ты был настоящим. Не знаю, как объяснить. В тебе нет той гнили, которую я привыкла видеть каждый день в своих клиентах и в своем бывшем муже. Ты — как обломок старой сказки, который случайно попал в мясорубку. Мне стало интересно, выживешь ты или нет. Считай это моим профессиональным любопытством.

— Я не обломок, — я поднял голову. — Я карающая десница Света. Я тот, кто стоит на страже, пока такие, как ты, спят спокойно.

— Ну, сейчас «карающая десница» едва держит вилку, — парировала она, и в её глазах промелькнула искра озорства. — Так что давай договоримся: пока ты под моей крышей, ты — Адриан. Просто мужчина. Без титулов, орденов и инквизиции.

Я хотел возразить. Хотел сказать, что мой долг не знает границ миров. Но в этот момент в её прихожей раздался резкий, противный треск.

Ольга вздрогнула. Её лицо мгновенно побледнело, а пальцы вцепились в чашку так, что костяшки побелели.

— Черт... — выдохнула она. — Это он. Вадим.

— Твой враг? — я мгновенно подобрался, боль в боку отошла на второй план. Внутренний зверь, приученный к охоте, поднял голову.

— Хуже, — она встала, поправляя волосы лихорадочным движением. — Мой бывший муж. Он пришел за остатками моих нервов.

Она посмотрела на меня, и в её взгляде я увидел мольбу. Настоящую, человеческую слабость, которую она так тщательно скрывала за своей иронией.

— Адриан, пожалуйста. Сиди здесь. Не выходи. Он... он не должен тебя видеть.

Я промолчал. Но внутри меня уже закипал тот самый гнев, который я привык обрушивать на еретиков. Эта женщина спасла меня. Она накормила меня. И теперь какой-то «червь» осмеливается пугать её в её собственном доме?

«Инквизитор не принимает даров от незнакомцев», — подумал я. «Но Инквизитор всегда платит по долгам».

Я услышал, как хлопнула входная дверь. Услышал резкий, неприятный мужской голос, от которого воздух в комнате словно стал грязным.

— Оля! Я знаю, что ты дома! Не придуривайся, я пришел забрать свою кофемашину и бумаги на дачу!

Я медленно встал со стула. Мое тело отозвалось протестом, но я заставил его подчиниться.

Она назвала меня «обломком сказки». Что ж, пришло время показать этому Вадиму, что сказки иногда кусаются. И кусаются очень больно.

— Сиди здесь, — прошептал я сам себе, повторяя её слова. — Как бы не так, госпожа психолог. В моем мире долги чести оплачиваются сталью. Но раз стали нет... я найду другой способ.

Я сделал шаг в сторону коридора, ступая по мягкому ков-

ру так бесшумно, как учил меня мастер теней в Ордене. Моя охота в этом странном мире только начиналась.

Глава 4

Звук дверного звонка в моей новой квартире всегда казался мне вежливым напоминанием о внешнем мире. Но когда за дверью стоит Вадим, этот трезвон превращается в настойчивый зуд под кожей.

— Оля, открывай! Я знаю, что ты там, я видел свет! — его голос, обычно самоуверенный и бархатистый, сейчас дребезжал от раздражения. — Я забыл в кладовке свои ключи от сейфа и зарядку от макбука, мне некогда играть в «молчанку»!

Я замерла в коридоре, чувствуя, как внутри закипает привычная, выученная за двадцать лет готовность оправдываться. Но не успела я сделать и шага к двери, как воздух за моей спиной всколыхнулся. Адриан. Он двигался беззвучно, несмотря на свои габариты и ранение. Огромная, почти пугающая тень легла на стену рядом со мной.

— Это он? — прошептал инквизитор. В его голосе не было вопроса, только констатация факта.

Я обернулась. Адриан стоял слишком близко — я чувствовала жар, исходящий от его тела, и едва уловимый аромат лавандового мыла, которым я обрабатывала его раны. В полумраке прихожей его глаза казались двумя колодцами с темной, застоявшейся водой.

— Адриан, пожалуйста, — я прижала палец к губам. — Я

сама справлюсь. Просто стой здесь и не высовывайся.

— Ты боишься его, — он не спрашивал, он ставил диагноз. — Твое сердце бьется так, словно за дверью стоит стая гончих Бездны. Но я вижу только одного слабого мужчину.

— Я не боюсь его, я просто... — я осеклась. Как объяснить человеку из мира меча и огня, что такое моральный абьюз и привычка подчиняться? — Это сложно. Просто не выходи.

Я решительно распахнула дверь, не снимая цепочки. Вадим стоял на пороге в своем безупречном костюме от «Canali», гладко выбритый, пахнувший дорогим парфюмом и собственным превосходством. Увидев меня, он не поздоровался. Он просто попытался толкнуть дверь плечом.

— Оля, не майся дурью. У меня через час встреча, Ангела ждет в машине, у нас запись в спа... — он вдруг замолчал, его взгляд сместился куда-то мне за плечо.

Я похолодела и медленно обернулась.

Адриан проигнорировал мою просьбу. Он стоял прямо за моей спиной, возвышаясь надо мной, как скала над прибрежной хижинкой. В одних только льняных штанах, с грудью, перетянутой белыми бинтами, через которые проступали контуры его невероятных мускулов и зловещее клеймо. Его лицо, заросшее щетиной, с резким шрамом на скуле, не выражало ничего, кроме ледяного, профессионального презрения.

Вадим открыл рот, закрыл его, снова открыл. Его холе-

ный вид в мгновение ока стал каким-то... карикатурным. Как будто на обложку журнала о роскошной жизни случайно попал персонаж из сурового эпоса.

— Это... это кто? — выдавил мой бывший муж. Его голос сорвался на фальцет.

Адриан не ответил. Он просто сделал шаг вперед, мягко отстраняя меня рукой — его ладонь, горячая и тяжелая, на секунду задержалась на моем плече, и я почувствовала, как по позвоночнику пробежал электрический разряд.

— Уходи, маленький человек, — произнес инквизитор. Голос был негромким, но от него завибрировали стекла в прихожей. — Ты мешаешь госпоже отдыхать. Твои речи смердят ложью и слабостью. Если ты еще раз коснешься этой двери... я вырву твой язык и принесу его на исповедь.

Вадим побледнел так, что стали видны все его инъекции ботокса. Он попятился, споткнулся о коврик и едва не упал.

— Оля... ты... ты кого в дом притащила? Это что, сектант? Наемник? Я вызову полицию! — закричал он уже из коридора, стремительно двигаясь к лифту.

— Вызывай, Вадик! — я вдруг почувствовала невероятную, пьянящую легкость. — Заодно объяснишь им, почему ты вламываешься в мою квартиру в семь утра!

Дверь захлопнулась. Тишина, наступившая после этого, была не вакуумной, а живой, наполненной дыханием Адриана. Я прислонилась лбом к прохладному дереву двери и закрыла глаза.

— Ты нарушил договор, — выдохнула я.

— Я защитил свою честь, — спокойно ответил он. — Позволить такому ничтожеству повышать на тебя голос — значит признать, что я мертв. А я, как видишь, всё еще дышу.

Я повернулась к нему. Он выглядел измотанным. Бледнота вокруг губ выдавала, что этот короткий выход стоил ему огромных сил.

— Идем на кухню, — я взяла его за локоть. — Тебе нужно поесть, иначе ты упадешь прямо здесь, и мне придется вызывать кран, чтобы тебя поднять.

На кухне было светло. Утреннее солнце заливало кварцевую столешницу, играло бликами на стальном корпусе тостера. Я поставила перед Адрианом тарелку с овсянкой, в которую добавила орехи и мед — нужно было что-то питательное.

Он сел на край стула, выпрямив спину. На мою еду он смотрел так, словно я предложила ему порцию расплавленного свинца.

— Ешь, Адриан. Это не отравя.

Он медленно поднял взгляд на меня.

— В моем ордене говорили: самая сладкая еда — в руках у самой опасной ведьмы. С чего мне верить, что в этой каше нет сонного зелья или корня мандрагоры?

Я раздраженно фыркнула, взяла его ложку, зачерпнула кашу и съела её на его глазах.

— Видишь? Я всё еще жива. У меня нет хвоста, и я не

превратилась в жабу. Ешь давай, инквизитор. Нам еще предстоит придумать, как легализовать твою тушу в Москве.

Он всё еще колебался. Тогда я сделала то, чего не должна была делать. Я подошла к нему вплотную, взяла его огромную, мозолистую руку в свои ладони. Его кожа была шершавой, со шрамами, но на ощупь она напоминала разогретый на солнце бархат.

— Адриан, посмотри на меня, — я заставила его поднять глаза. — Я психолог. Моя работа — лечить людей. Ты для меня — не враг. Ты человек, который нуждается в помощи. И если бы я хотела твоей смерти, я бы просто оставила тебя истекать кровью на ковре.

Его пальцы дрогнули в моих руках. На мгновение его взгляд изменился — лед Инквизитора треснул, обнажив что-то глубокое, тоскливое и очень мужское. Расстояние между нами сократилось до опасного минимума. Я чувствовала его запах — сложный, притягательный, аромат дикого леса и чистого металла. Мой взгляд невольно упал на его губы, плотно сжатые, четко очерченные.

В животе сладко потянуло. Это было то самое чувство, о котором я забыла лет пятнадцать назад — предвкушение грозы.

Адриан медленно высвободил руку и взял ложку.

— Твои слова звучат разумно, Ольга, — он начал есть, сначала осторожно, а потом всё более уверенно. Было видно, что он голоден как волк. — Эта... «каша»... в ней есть сила.

Я села напротив, подперев щеку рукой, и наблюдала, как он ест. Было что-то первобытное и правильное в том, как этот огромный воин подчиняется простым человеческим потребностям на моей стерильно-белой кухне.

— Этот инструмент, — он поднял вилку, которую я положила рядом на всякий случай. — Четыре зубца. Как трезубец морского дьявола. Зачем он?

— Чтобы не пачкать руки, Адриан. Мы здесь ценим чистоту. Смотри, — я пододвинула к нему тарелку с нарезанным сыром. — Ты накалываешь кусочек и несешь в рот. Вот так.

Я потянулась, чтобы направить его руку, и наши пальцы снова соприкоснулись. На этот раз я не отстранилась. Я почувствовала, как по его телу прошла волна напряжения. Его рука была твердой, как дубовый корень. Я медленно вела его пальцы, показывая движение, и всё это время чувствовала его взгляд на своем лице. Он не смотрел на вилку. Он смотрел на мои губы.

— Чистота... — повторил он хрипло. — У вас в мире всё слишком чисто, Ольга. Слишком белое. Слишком гладкое. Как будто вы пытаетесь спрятать под этим истинную суть вещей. У нас всё честнее. Если грязь — то она под ногтями. Если кровь — то на мече. Если страсть — то...

Он замолчал, резко отложив вилку. Металл звякнул о керамику.

— Ты спасла мою жизнь, — он вдруг подался вперед, на-

висая над столом. Его лицо оказалось в сантиметрах от моего. — В моем ордене есть закон. Жизнь, вырванная из лап Бездны другим человеком, больше не принадлежит спасенному. Она принадлежит спасителю.

Я нахмурилась.

— Что это значит?

— Это значит, — Адриан протянул руку и коснулся пряди моих волос, осторожно, словно боялся сломать, — что отныне я — твой должник. Твоя тень. Твой меч. Моя кровь, мои кости и мой последний вздох теперь — твоя собственность, Ольга. Пока ты не отпустишь меня сама... или пока смерть не разлучит нас по-настоящему.

Я замерла, глядя в его глаза. В них не было шутки. В них была фанатичная, абсолютная преданность, от которой стало жарко и страшно одновременно. Это было не признание в любви, нет. Это было нечто более древнее и обязывающее. Контракт, подписанный на невидимом уровне.

— Адриан, у нас так не принято, — я попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Ты свободный человек. Ты никому не принадлежишь.

— Ты не понимаешь, — он покачал головой, и его пальцы скользнули по моей щеке к шее, на мгновение задержавшись на пульсирующей жилке. — Свобода — это бремя, которое я сбросил в тот момент, когда ты коснулась моих ран. Ты владеешь моей жизнью, демоница Ольга. И я не советую тебе отказываться от этого права. Потому что в твоем мире...

тебе очень скоро понадобится тот, кто умеет убивать без сомнений.

Он встал, отодвинув стул с такой силой, что тот едва не перевернулся.

— Я закончил трапезу. Покажи мне, где я могу омыть тело еще раз. Грязь твоего города... я чувствую её даже сквозь стены.

Я смотрела ему вслед, чувствуя, как горит кожа там, где он меня касался. Психолог внутри меня вопил: «Бред! Манипуляция! Стокгольмский синдром наоборот!». Но женщина... женщина внутри меня впервые за сорок три года чувствовала, что она — под защитой. И эта защита была острее любого ножа.

Я посмотрела на недоеденную овсянку и пустую вилку. Моя жизнь превратилась в триллер, и, кажется, я только что подписала контракт с главным героем.

Глава 5

Дрожь в пальцах унялась только тогда, когда я в третий раз за утро нажала на кнопку кофемашины. Напиток лился в чашку тонкой маслянистой струйкой, заполняя кухню ароматом, который обычно обещал спокойное начало дня. Но сегодня спокойствие было дефицитным товаром. Вадим ушел, но его ядовитое обещание вызвать полицию повисло в воздухе, как запах гари после пожара.

Я прислонилась к кухонному острову и закрыла глаза. Профессиональный мозг психолога услужливо подкидывал диагнозы: «пограничное расстройство», «галлюцинаторный синдром», «острая фаза стресса». Но тяжелые шаги в коридоре, от которых едва заметно дребезжали бокалы в шкафу, были реальнее любого диагноза.

Адриан вошел на кухню, когда я сделала первый глоток. Он только что вышел из душа — я слышала, как он долго сражался с рычагами смесителя, пока не догадался, как пустить воду. Теперь от него пахло моим любимым гелем «Тропический манго», и этот сладкий, почти детский аромат совершенно не вязался с его суровым обликом. На его бедрах было обмотано мое самое большое банное полотенце, которое на нем выглядело как набедренная повязка.

Влажные волосы облепили его плечи, по лицу и мощной груди стекали капли воды, теряясь в белых бинтах, которые

я наложила ночью. Кровь больше не проступала — медицина двадцать первого века в сочетании с его невероятной регенерацией творила чудеса.

Я невольно засмотрелась на него, забыв про кофе. В нем была та пугающая, животная грация, которую не встретишь в фитнес-клубах. Каждая мышца была функциональной, выкованной годами битв, а не протеиновыми коктейлями.

— Ты обещала показать мне свой мир, — он заговорил первым. Его голос стал чище, но в нем всё еще вибрировала та первобытная мощь, которая заставляла меня чувствовать себя маленькой и беззащитной. — Я слышу его за окнами. Он ревет, как сотня раненых драконов. Покажи мне, где я.

Я глубоко вздохнула и взяла со стола планшет.

— Садись, Адриан. Нам нужно серьезно поговорить, пока к нам не нагрянули гости в погонах.

Он сел на край стула, настороженно глядя на тонкую пластину стекла в моих руках. Я разблокировала экран и открыла Google Earth.

— Это — карта, — я положила планшет на стол перед ним. — Но это не просто пергамент. Смотри.

Я коснулась экрана, увеличивая изображение. Точка нашего дома в центре Москвы начала стремительно отдаляться. Районы превратились в кварталы, кварталы — в городское кольцо, а затем в очертания континента. Адриан замер, его дыхание стало прерывистым. Он протянул руку, боясь коснуться экрана, словно тот мог обжечь его.

— Это магия... — выдохнул он. — Ты показываешь мне мир с высоты птичьего полета. Глазами богов.

— Это спутники, Адриан. Металлические птицы, которые летают очень высоко. А теперь посмотри сюда.

Я начала вращать виртуальный глобус. Океаны, горы, леса. Я искала что-то, что могло бы напомнить ему о доме, но он смотрел на яркие пятна материков с нарастающим ужасом.

— Где Империя Семи Башен? — его палец всё-таки коснулся холодного стекла, пытаясь остановить вращение планеты. — Где Серебряные реки? Ольга, где мой дом?!

Я остановила глобус и посмотрела ему прямо в глаза.

— Его нет здесь, Адриан. На этой планете нет ни одной империи, которая называлась бы так. Мы исследовали каждый сантиметр этой земли. Твоего мира не существует на нашей карте.

Тишина, наступившая после моих слов, была такой тяжелой, что, казалось, я слышу, как тикают часы в гостиной. Адриан медленно убрал руку от планшета. В его взгляде промелькнуло такое отчаяние, что у меня сжалось сердце. На мгновение передо мной был не грозный каратель, а потерянный ребенок, которого выбросили в открытый космос.

— Значит, я... в Бездне? — прошептал он. — Или это морок? Твои чары, чтобы сломить мою волю?

— Это реальность, — я мягко накрыла его ладонь своей. Его кожа была горячей, пульсирующей. — Ты попал в другое

измерение. Здесь другие законы, Адриан. И чтобы выжить, тебе нужно стать одним из нас. Или хотя бы перестать выглядеть как человек, сбежавший с фестиваля исторической реконструкции.

Я встала и принесла из ванной несессер Вадима. Тот самый, который он подарил себе на прошлый день рождения — с дорогой электробритвой и триммером.

— Твоя борода, — я указала на его лицо. — В моем мире так ходят либо хипстеры, либо... в общем, это слишком заметно. Нам нужно тебя побрить.

Адриан подозрительно посмотрел на жужжащий триммер в моей руке.

— Это еще что за механическая оса? Ты хочешь срезать мою честь этим?

— Я хочу, чтобы полиция не узнала в тебе Инквизитора из тринадцатого века. Доверься мне. Ты же принес клятву, помнишь?

Он сцепил зубы, его челюсть напряглась, но он кивнул.

— Делай что должна, госпожа Ольга. Моя жизнь в твоих руках.

Я подошла к нему вплотную. Расстояние между нами сократилось до опасного минимума. Чтобы достать до его лица, мне пришлось встать на цыпочки. Одной рукой я придерживала его за подбородок — его кожа была жесткой, шершавой, но он замер, подчиняясь моим движениям.

Триммер зажужжал, срезая густую щетину. Я работала

осторожно, стараясь не задеть шрамы. Адриан не шевелился, он даже, кажется, перестал дышать. Я чувствовала его взгляд на своем лице — он изучал каждую мою морщинку, каждую ресничку с какой-то фанатичной сосредоточенностью.

Запах манго смешивался с ароматом пены для бритья и чем-то неуловимо мужским, терпким. Мои пальцы касались его кожи, и каждый этот контакт отдавался во мне странным трепетом. Это было так интимно — стоять вот так, почти в обнимку с незнакомцем, и менять его облик.

Когда я закончила и смыла остатки пены, передо мной оказался другой человек. Без бороды его лицо стало еще более суровым и породистым. У него была идеальная, волевая линия челюсти и четко очерченные губы, которые сейчас были плотно сжаты. Шрам на скуле только добавлял ему опасного обаяния.

— Теперь одежда, — я постаралась, чтобы мой голос не дрожал. — Идем.

Я привела его в гардеробную Вадима. Мой бывший всегда был помешан на вещах. Здесь рядами висели костюмы, джемперы и рубашки, которые стоили как небольшой автомобиль.

Я достала темно-серый кашемировый джемпер и плотные джинсы.

— Надень это. Посмотрим, насколько ты отличаешься по размеру от моего «червя».

Адриан с сомнением взял мягкую ткань в руки. Он при-

вык к грубой коже и льну, а кашемир показался ему чем-то запредельно нежным. Когда он начал одеваться, я невольно отвернулась, хотя в зеркале всё равно видела его мощную спину.

Джемпер, который на Вадиме сидел свободно, на Адриане натянулся так, что, казалось, швы вот-вот лопнут. Рукава едва доходили до запястий, а в плечах ткань опасно затрепала. Но результат был поразительным.

В этих вещах он больше не выглядел дикарем. Он выглядел как очень дорогой, очень опасный и очень влиятельный мужчина, который предпочитает не афишировать свою силу.

— Эти одежды... они не стесняют движений, но в них нет защиты, — Адриан поправил воротник, глядя на себя в зеркало в полный рост. — Я чувствую себя голым без своего плаща.

— Твоя защита теперь — это твоя анонимность, — ответила я, подходя к нему.

Я встала рядом с ним перед зеркалом. Мы смотрелись странно. Я — современная женщина в домашнем костюме, со следами бессонной ночи на лице, и он — пришелец из другого мира, одетый в вещи моего предателя.

В этот момент я почувствовала укол странного удовлетворения. Вадим всегда кичился своим статусом, но на фоне Адриана он выглядел бы просто бледной тенью. Это была моя маленькая, тихая победа — видеть, как вещи Вадима наконец-то наполняются настоящей мужской силой, а не про-

сто висят на вешалке.

Адриан повернулся ко мне. Его взгляд стал мягче.

— Ты изменила меня, Ольга. Я не узнаю человека в этом стекле. Ты стерла мою прошлую жизнь и нарисовала новую.

— Это только начало, Адриан. Тебе придется многому научиться. И первое правило: не пытайся убить каждого, кто посмотрит на меня не так. Здесь конфликты решаются словами... или деньгами.

— У меня нет золота, — он нахмурился. — Но у меня есть воля.

— Этого может быть достаточно, — пробормотала я.

В этот момент в прихожей раздался звонок. Короткий, настойчивый.

Я вздрогнула. Сердце тут же пустилось вскачь. Вадим? Полиция? Или курьер, которого я не ждала?

Адриан мгновенно изменился. Расслабленность исчезла, он подобрался, его рука инстинктивно дернулась к бедру, где раньше висел меч.

— Стой здесь, — прошептала я. — Не выходи, пока я не позову.

Я вышла в коридор, чувствуя, как ладони становятся влажными. Посмотрела в глазок.

На пороге стоял человек в форме курьерской службы. В руках у него была большая коробка. Но что-то в его позе, в том, как он низко опустил козырек кепки, заставило мою интуицию взвыть сиреной.

— Доставка для Ольги Николаевны, — глухо произнес он через дверь. — Распишитесь в получении.

Я потянулась к замку, но чья-то рука легла поверх моей, останавливая движение. Адриан стоял за моей спиной. Он не смотрел в глазок, он приплюхивался. Его ноздри хищно раздувались.

— Не открывай, — его голос был едва слышным шепотом. — За дверью не человек.

Я замерла, глядя на его сосредоточенное лицо.

— О чем ты? Это просто курьер...

— От него пахнет гарью и старой кровью, — Адриан медленно отодвинул меня в сторону и положил ладонь на дверную ручку. — Той же самой, что привела меня сюда.

Звонок раздался снова. На этот раз он не прекращался, превращаясь в непрерывный, сводящий с ума визг.

— Назад, Ольга, — бросил он через плечо. — Кажется, твой мир не так уж безопасен, как ты думала. Пришло время вспомнить, почему меня называли Карателем Первого Круга.

Он распахнул дверь.

Глава 6

Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Когда Адриан рванул на себя входную дверь, я почти зажмурилась, ожидая... чего? Вспышки пламени? Удара стали? Появления монстра из кошмаров Инквизитора?

— Ваша подпись вот здесь, — проямлил испуганный парень в ярко-жёлтой жилетке курьерской службы.

Он попятился так стремительно, что едва не сшиб стоящий в коридоре декоративный вазон. Его глаза за козырьком кепки расширились до размеров чайных блюдец. Ещё бы. Прямо перед ним стоял Адриан — босой, в обтягивающем кашемировом джемпере, который едва сдерживал мощь его плеч, со свежесбритым лицом и взглядом, способным воспламенить сырые дрова.

— Это... просто посылка, Адриан, — я выдохнула, чувствуя, как адреналиновый прилив сменяется нервным смехом. — Обычный человек. Никакой гари. Это пахнет... ну, не знаю, его дешёвым дезодорантом и выхлопными газами.

Инквизитор не расслабился. Он проводил курьера взглядом, пока тот не скрылся в лифте, и только потом опустил руку, которой секунду назад был готов вырвать грешную душу из любого, кто посягнёт на мой порог.

— Станный мир, — глухо произнёс он, глядя на картонную коробку у моих ног. — Люди приносят дары в бумагах,

а страх в них пахнет одинаково во всех пределах. Этот юноша... он решил, что я пришёл за его жизнью.

— Поверь, Адриан, в твоём нынешнем виде ты выглядишь как человек, который приходит именно за этим, — я подняла коробку. — Это заказ Вадима. Ещё старый, он забыл сменить адрес доставки. Кофе-капсулы «Лимитед Эдишн». Символ его пафоса.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Тишина квартиры казалась звенящей. Адриан стоял напротив, и в этом мягком джемпере он выглядел до невозможности... моим. Моим защитником, моим секретом, моей самой большой проблемой.

— Идём, нам нужно... — начала я, но договорить не успела.

В замочной скважине скрежетнул ключ.

Звук был коротким, уверенным и абсолютно незаконным. Я застыла. Кровь отхлынула от лица, оставив лишь ледяную корку страха. Ключ был только у одного человека. Вадим. Он не вернул дубликат, хотя клялся, что оставил его на тумбочке в день ухода.

Дверь распахнулась с тем самым хозяйским стуком, который я ненавидела все двадцать лет нашего брака.

Вадим ворвался в прихожую как шторм в стакане воды. Он был в пальто, которое я сама выбирала ему на прошлую годовщину, и с лицом человека, пришедшего забирать контрибуцию у побеждённого врага.

— Оля, я вспомнил! — начал он с порога, даже не потрудившись снять обувь. — Я заберу кофемашину. «Борг», та, что с ручной настройкой. Анжела говорит, что в её квартире кофе из турки — это каменный век, а мне нужны мои утренние ритуалы. И не смотри на меня так, я за неё платил...

Он осёкся на полуслове.

Вадим стоял в двух шагах от нас, и его самоуверенная тирада разбилась о реальность так же громко, как хрустальная ваза о бетон. Он увидел Адриана.

Мой бывший муж, успешный девелопер, мастер переговоров и большой любитель «статусных» вещей, вдруг показался мне... маленьким. Нет, не в росте — они с Адрианом были почти наравне, — а в самой своей сути. Вадим был сделан из дорогих костюмов, инъекций гиалуронки и желания казаться важным. Адриан был сделан из гранита, шрамов и первобытной ярости, которую он сейчас едва сдерживал.

— Это... это ещё что? — Вадим попятился, его взгляд метнулся к джемперу на груди Адриана. — Это мой кашемир?! Оля, ты что, привела сюда этого... этого бомжа и одела его в мои вещи?!

Адриан медленно, почти лениво, сделал шаг вперёд. Между ними было всего полметра, но это были полметра между домашним псом и матерым волком.

— Ты снова здесь, маленький человек, — голос Адриана вибрировал, заставляя хрусталь в прихожей мелко дрожать. — Ты пришёл в дом женщины, которую предал, чтобы за-

братъ... машину для варки зёрен?

— Слышь, ты! — Вадим попытался включить «альфа-самца», но его голос предательски сорвался в высокой ноте. — Я не знаю, из какого притона она тебя вытащила, но это моя квартира! Частично! И шмотки мои! Быстро снял джемпер, урод, и пошёл вон, пока я не набрал начальнику охраны!

Адриан не повёл и бровью. Он посмотрел на Вадима так, словно изучал структуру плесени на стене. А потом он улыбнулся. Это была не добрая улыбка. Это был оскал инквизитора перед тем, как зачитать приговор.

— Твои вещи? — Адриан плавно поднял руку и взял Вадима за лацкан дорогого пальто. — Ты думаешь, что тряпки делают тебя мужчиной? Ты думаешь, что право собственности даёт тебе право входить сюда без зова и оскорблять ту, чей свет ты не достоин даже созерцать?

— Адриан, не надо... — я шагнула к ним, но инквизитор лишь слегка качнул головой, приказывая мне оставаться на месте.

— Оля, убери его! Он меня трогает! — Вадим вжался в стену, его лицо стало цветом свежесвыпавшего снега. — Это нападение! Я засужу тебя! Ты лишишься лицензии, ты...

Адриан чуть сжал пальцы, и я услышала, как затрещала дорогая ткань пальто. Он наклонился к самому лицу Вадима.

— В моём мире, — прошептал Адриан так, что у меня по спине пробежали мурашки, — таких, как ты, называют

«пустоцветами». Вы питаетесь чужой силой, вы лжёте, чтобы казаться великими, и вы бежите, когда пахнет настоящей сталью. Ты пришёл за машиной? Забирай.

Он резко отпустил Вадима, отчего тот едва не рухнул на пол. Адриан развернулся, прошёл на кухню, и через секунду вернулся, держа в одной руке массивную кофемашину, которую я едва могла сдвинуть с места.

Он буквально впихнул её в руки Вадиму. Тот охнул, прогнувшись под тяжестью техники.

— Вот твоё сокровище, — Адриан навис над ним. — А теперь слушай внимательно, «червь». Если ты ещё раз воспользуешься своим ключом... если ты ещё раз приблизишься к этой женщине без её соизволения... я забуду о том, что она просила меня быть милосердным. Я найду тебя. В твоём мире много камня и стекла, но нет ни одного места, где ты сможешь спрятаться от Инквизиции.

— Ты... ты мне угрожаешь? — Вадим пытался удержать кофемашину и остатки достоинства одновременно.

— Я обещаю, — отрезал Адриан. — Уходи. Пока я не решил, что твоё покаяние должно начаться прямо здесь.

Вадим не стал спорить. Он развернулся и, спотыкаясь, вылетел в общий коридор, прижимая к себе кофемашину как спасательный круг. Грохот его поспешных шагов затих в лифтовом холле.

Я стояла в прихожей, глядя на закрытую дверь. Тишина, наступившая после его ухода, была другой. Она была чистой.

Словно из квартиры вымели весь мусор, который копился годами.

Я медленно повернулась к Адриану. Он стоял посреди коридора, его грудь тяжело вздымалась под кашемировым джемпером. В его глазах всё ещё тлели угли той ярости, которую он только что обрушил на Вадима.

— Оля... — он сделал шаг ко мне, и я непроизвольно отступила. Не от страха, а от избытка чувств, которые захлестнули меня. — Прости. Я снова нарушил твой покой. Этот человек... он пробуждает во мне худшее.

Я посмотрела на него — на этого огромного, дикого, невозможного мужчину, который только что сделал то, на что у меня не хватало сил последние полгода. Он защитил моё пространство. Он защитил меня.

— Ты не нарушил его, Адриан, — я подошла к нему и, поддавшись импульсу, положила руку ему на грудь. Под ладонью сумасшедшим ритмом билось его сердце. — Ты его вернул. Спасибо.

Он накрыл мою руку своей ладонью. Его пальцы были горячими, а хватка — уверенной.

— Он вернётся, — хмуро заметил Адриан. — Такие, как он, не понимают слов. Они понимают только силу или страх.

— Пусть возвращается, — я подняла на него взгляд. — Теперь мне есть кого выставить против его «охраны» и юристов. Но ты прав... нам нужно подготовиться. Вадим не оставит это просто так. Он труслив, но мстителен.

Я посмотрела на свои руки, которые всё ещё слегка дрожали. Адриан заметил это. Он осторожно взял мои ладони в свои, согревая их.

— Ты дрожишь, госпожа Ольга. Битва окончена, враг бежал. Почему твоё тело всё ещё в смятении?

— Это не страх, Адриан, — я глубоко вздохнула, чувствуя, как тепло его рук разливается по моему телу. — Это... предчувствие. Моя жизнь за последние двенадцать часов изменилась сильнее, чем за предыдущие двадцать лет. И я не уверена, что готова к тому, что будет дальше.

— Ты готова, — он чуть сжал мои пальцы. — В тебе течёт сила, которую ты сама боишься признать. А я... я буду твоим щитом, пока ты учишься ею пользоваться. В этом мире или в любом другом.

Я посмотрела в его серые, как предгрозовое небо, глаза и поняла: Вадим со своей кофемашиной и Анжелой — это пыль. Настоящая жизнь стояла здесь, в моей прихожей, в джемпере не по размеру и с клеймом инквизитора на спине.

— Ладно, защитник, — я попыталась улыбнуться. — Раз уж мы избавились от мусора, давай пить чай. Кофемашины у нас больше нет, но старый добрый чайник Вадим забрать не догадался.

Адриан кивнул, и на его лице впервые за всё утро появилось подобие мягкости.

— Чай — это хорошо, — произнёс он. — Но сначала... покажи мне, как закрыть эту дверь так, чтобы никто больше

не мог войти без твоего слова. В этом мире замки слишком ненадёжны.

Я засмеялась, уводя его на кухню. Мы только что выиграли первый бой, но война за мою новую жизнь только началась. И, глядя на широкую спину Адриана, я знала: на этот раз я не проиграю.

Глава 7(Адриан)

(от лица Адриана)

Одежда этого человека пахла фальшью.

Тонкая шерсть, которую Ольга назвала «кашемиром», льнула к моей коже, как ядовитый плющ. Она была слишком мягкой, слишком нежной для того, кто привык к весу стального нагрудника и жесткости просоленной потом кожи. В этом мире всё казалось таким: обманчиво податливым, лишенным острых углов, завернутым в яркую бумагу. Но под этой оболочкой я чувал гниль.

Я стоял у окна, глядя на то, как железная повозка — «автомобиль» — уносит прочь человека по имени Вадим. Из своего окна Ольга видела лишь уходящего мужа, я же видел убегающую крысу. Он прижимал к груди свою блестящую машину для зерен так, словно это был святой грааль, а не кусок металла.

— Червь, — прошептал я, и мое дыхание оставило мутное пятно на идеально чистом стекле.

В моем мире таких, как он, не судили высоким судом Инквизиции. Их не достаивали очищающего пламени костра. За измену рода, за предательство женщины, которая делила с тобой хлеб и кров, за ложь, облеченную в красивые одежды, полагалось тридцать ударов плетью на рыночной площади. А после — клеймо на щеку, чтобы каждый честный че-

ловек знал: перед ним пустоцвет. Мужчина, в котором нет стержня.

Я обернулся. Ольга возилась у стола, насыпая в чайник сухие листья. Её движения были точными, но в них сквозила надломленность, которую она так тщательно пыталась скрыть за короткими, колючими фразами. Она была сильной. Сильнее многих рыцарей, которых я вел на смерть. Но её сила была иной — она не разила наповал, она грела, как угли в камине холодной ночью.

И именно это приводило меня в ярость. Как этот ничтожный «червь» посмел гасить её свет? Как он мог годами пить её силу, ничего не отдавая взамен, кроме претензий и требований?

— Адриан, ты чего застыл? — она подняла на меня взгляд. — Чай готов. Садись. И перестань так смотреть на дверь, Вадим не вернется. По крайней мере, сегодня. Твоего «перформанса» ему хватит на неделю кошмаров.

Я медленно подошел к столу и сел. Дерево под моими бедрами не скрипнуло — мебель в этом мире была такой же странной, как и всё остальное. Крепкая на вид, но лишенная души.

— Ты называешь это «перформансом», — я принял из её рук чашку. Она была горячей, и тепло просочилось сквозь мои пальцы, успокаивая зуд в клейме на спине. — В моем мире это называют правосудием. Тот человек... он не заслуживает твоего страха, Ольга. Он заслуживает лишь забвения.

— Правосудие у нас вершит суд, — она горько усмехнулась и отпила из своей чашки. — А Вадим... он не плохой человек в классическом понимании. Он просто... обычный. Тщеславный, слабый, запутавшийся в собственных желаниях. Таких миллионы.

— Обычный? — я почувствовал, как внутри закипает холодное пламя. — Он предал клятву. Он вошел в твой дом без спроса. Он пытался унижить тебя, владея вещами, которые не стоят и капли твоих слез. Если это «обычно» для твоего мира, то ваш мир болен сильнее, чем я думал.

Ольга промолчала, опустив глаза в чашку. Солнечный луч из окна упал на её лицо, высвечивая мелкие морщинки у глаз и прядь волос, которая никак не хотела лежать ровно. Она была прекрасна той зрелой, глубокой красотой, которую не ценят мальчишки, но за которую мудрые мужи готовы отдавать королевства.

В груди что-то болезненно сжалось. Странное, забытое чувство, которое я годами выжигал в себе молитвами и аскезой. Греховная искра. Страсть, смешанная с невыносимым желанием защитить.

Я — Инквизитор. Мое сердце должно быть холодным, как сталь моего клинка. Мои мысли должны быть заняты спасением душ, а не тем, как мягко изгибается шея женщины, когда она наклоняет голову. Но здесь, в этом мире, лишенном привычной магии Света, старые запреты начали крошиться, как сухой пергамент.

Я чувствовал её запах — лаванда, свежесть и что-то еще, неуловимое, присущее только ей. Этот запах дурманил сильнее, чем храмовые благовония.

— Мне нужно осмотреть твою обитель, — сказал я, чтобы прервать затянувшееся молчание и унять нахлынувшее смущение. — Чтобы знать все входы и выходы. Чтобы ни один враг не прошел незамеченным.

— Адриан, это квартира в охраняемом ЖК, а не крепость, — Ольга вздохнула, но в её глазах промелькнула благодарность. — Но если тебе так будет спокойнее — иди. Только не сломай ничего. Особенно в гостевой комнате, там шкаф с моими архивами.

Я встал, чувствуя, как джемпер Вадима натягивается на плечах. Каждое движение в этой одежде было напоминанием о моем долге перед этой женщиной. Я был её мечом. Её щитом. И я должен был понять, кто она такая на самом деле.

Я медленно пошел по комнатам. Этот мир был полон загадок. Маленькие коробочки, издающие звуки. Плоские доски на стенах, показывающие движущиеся картинки. Я не касался их — я чувствовал в них чужую, механическую волю.

В одной из комнат, которую Ольга назвала «кабинетом», пахло старой бумагой и кожей. Здесь были стеллажи с книгами — их было так много, что хватило бы на целую монастырскую библиотеку. Я провел пальцами по корешкам. Большинство названий были мне непонятны: «Психоанализ», «Когнитивная терапия», «Архетипы».

Она была врачом душ. В моем мире это называли исповедью. Значит, мы были в чем-то похожи — оба заглядывали в самую бездну человеческого сердца. Только я искал там тьму, чтобы её выжечь, а она... она искала свет, чтобы его спасти.

В нижнем ящике одного из шкафов я заметил край деревянной рамки. Поддавшись необъяснимому импульсу, я вытянул её на свет.

Это было изображение. «Фотография», как они здесь говорят. Но это не было похоже на те яркие, глянцевые картинки, что я видел в её планшете. Эта была старой, в тяжелой раме.

С неё на меня смотрели двое. Вадим — моложе на несколько лет, с еще более самодовольной улыбкой, и Ольга. На ней было белое платье, легкое, как облако. В волосах — цветы. Она улыбалась, но когда я всмотрелся в её глаза на снимке, у меня перехватило дыхание.

Это были глаза мертвеца.

В них не было радости невесты. В них была покорность. Тихая, затаенная грусть человека, который добровольно идет на эшафот, убедив себя, что это — венец счастья. Она смотрела не на Вадима, она смотрела в никуда, словно уже тогда знала, что этот путь приведет её к пустоте.

Я сжал рамку так сильно, что дерево жалобно хрустнуло. Двадцать лет. Она провела двадцать лет рядом с человеком, который не видел этого холода в её глазах. Который при-

нимал её свет как должное, позволяя ему медленно гаснуть.

Я вспомнил её сегодняшнюю улыбку, когда Вадим позорно бежал из прихожей. В той улыбке было больше жизни, чем на всей этой свадебной картинке. И эта жизнь вернулась к ней благодаря мне.

— Адриан? Ты что там нашел? — голос Ольги раздался у меня за спиной.

Я не вздрогнул. Инквизитор никогда не вздрагивает. Я медленно повернулся, всё еще сжимая рамку в руках.

Ольга замерла в дверном проеме. Увидев, что я держу, она заметно напряглась, а её лицо на мгновение стало непроницаемой маской.

— О, это... — она отвела взгляд. — Это из старой жизни. Забыла выбросить. Или руки не дошли. Дай мне это.

Она подошла и протянула руку, но я не отдал рамку. Я поднял её выше, заставляя Ольгу посмотреть на изображение.

— На этом снимке ты мертва, Ольга, — мой голос звучал глухо, как удары молота в кузне. — Твоя душа была заперта в темнице еще до того, как ты произнесла клятву перед алтарем вашего бога.

Ольга замерла. Её рука задрожала, и она медленно опустила её.

— Ты не понимаешь, Адриан... тогда мне казалось, что это и есть любовь. Что нужно терпеть, нужно подстраиваться, нужно быть «удобной». Нас так учили.

— Тебя учили лгать самой себе, — я сделал шаг к ней, сокращая расстояние. — В моем мире женщин берегут, как драгоценные сосуды с миром. Но этот человек... он не берег тебя. Он пил твою жизнь, пока в твоих глазах не остался лишь пепел.

Я положил рамку на стол лицевой стороной вниз.

— Больше ты не будешь «удобной», Ольга. И ты больше не будешь мертвой.

Она подняла на меня глаза. В них дрожали слезы, но это были не те слезы слабости, что я видел ночью. Это были слезы очищения. Гнев, обида и надежда, сплавленные в один жгучий коктейль.

— И как ты собираешься это обеспечить, Инквизитор? — прошептала она. — В этом мире нет магии, которая могла бы вернуть мне молодость или стереть эти двадцать лет.

Я протянул руку и осторожно, кончиками пальцев, коснулся её подбородка, заставляя смотреть прямо на меня. В этот момент я чувствовал себя не Инквизитором, а хищником, который нашел свою истинную цель. Но эта цель не нуждалась в уничтожении. Она нуждалась в защите.

— Магия не в словах и не в искрах из пальцев, Ольга, — я склонился к её лицу, так близко, что чувствовал жар её дыхания. — Магия в том, чтобы снова увидеть огонь в твоих глазах. И я клянусь всеми богами, которых я знал, и теми, кого встретил здесь: я верну тебе этот огонь. Даже если мне придется сжечь для этого весь твой город.

Ольга судорожно вздохнула. Её губы приоткрылись, и на мгновение мне показалось, что она подастся вперед, навстречу мне. Мир вокруг нас перестал существовать — исчезли стены, исчез гул машин, исчезло время. Остались только мы двое и клятва, которая была крепче любой стали.

В этот момент я понял: моя миссия в этом мире — не поиск пути домой. И не борьба с демонами.

Моя миссия — спасти одну-единственную женщину от теньей её собственного прошлого. И если для этого мне нужно стать самым страшным кошмаром для её врагов — что ж, это именно то, что я умею лучше всего.

— Иди отдыхать, Ольга, — я мягко отпустил её подбородок. — Тебе нужны силы. А я... я буду охранять твой сон. Хищник всегда на чеку, когда его добыча... его сокровище в опасности.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и быстро вышла из комнаты.

Я остался один в тишине кабинета. Мой взгляд снова упал на перевернутую рамку. Я знал, что Вадим вернется. Я чувал это, как чуют приближение бури. Но теперь я был готов.

Я больше не был Адрианом, потерянным в чужом мире. Я был Инквизитором, который нашел свою истинную веру. И эта вера имела имя.

Ольга.

Глава 8

Если бы кто-нибудь сказал мне неделю назад, что я буду вести за собой по торговому центру двухметрового мужчину из тринадцатого века, я бы порекомендовала этому человеку хорошего психиатра. Желательно из моих коллег, со скидкой «для своих». Но реальность имела дурную привычку не спрашивать моего мнения.

— Это — храм? — Адриан остановился перед вращающимися стеклянными дверями «Авиапарка», глядя на них так, словно они были входом в пасть левиафана. — Почему здесь так много прозрачного камня? И почему эти люди... они все куда-то бегут, но при этом ни на ком нет оружия?

Я поправила сумку на плече и вздохнула. На мне были любимые кашемировое пальто и узкие брюки — мой «бронези-лет» для выхода в город. Адриан же всё ещё был в джемпере Вадима, который на его плечах трещал по швам, и джинсах, которые едва сходились в бедрах. Он выглядел как оживший кошмар для любого барбера: дикая грива волос, шрам на скуле и взгляд, которым можно было вскрывать консервные банки.

— Это торговый центр, Адриан. Здесь люди покупают вещи, чтобы чувствовать себя счастливыми пять минут. Постарайся не смотреть на всех так, будто ты собираешься зачитать им смертный приговор. Просто иди за мной и молчи.

Мы шагнули внутрь, и на Адриана обрушился хаос цивилизации.

Свет сотен ламп, отражающийся от глянцевого пола. Ритмичный бас поп-музыки, льющийся из скрытых колонок. Запах смеси из сотен сортов парфюма, свежего кофе и фаст-фуда. Для Инквизитора, привыкшего к запахам воска, пота и сырого камня, это явно было сродни массажированной психической атаке.

Он шел за мной, напряженный, как сжатая пружина. Каждый раз, когда мимо пробежал ребенок или проносились стайка смеющихся подростков, его рука инстинктивно дергалась к бедру. К тому самому месту, где раньше висел меч.

— Музыка... — прошептал он, едва мы подошли к огромному аквариуму в центре. — В ней нет голоса. Нет души. Только ритм, похожий на удары молота по наковальне. Твой мир очень шумный, Ольга. В нем невозможно услышать собственные мысли.

— К этому привыкаешь, — бросила я, стараясь не замечать, как на нас смотрят.

А смотрели на нас все. Женщины оборачивались, буквально сворачивая шеи. В их взглядах читалось всё: от животного интереса до откровенной зависти. Адриан был слишком... настоящим для этого рафинированного пространства. Он выделялся на фоне ухоженных москвичей, как волк в магазине пуделей. Его мужественность была не показной, не отработанной перед зеркалом — она была в каждой

его поре, в каждом тяжелом шаге.

Я поймала себя на том, что выпрямила спину и чуть выше подняла подбородок. Глупое, почти детское чувство: «Смотрите, какой мужчина рядом со мной». Но тут же одернула себя. Он не мой. Он — беженец из другого измерения, которого я приютила по доброте душевной (и немного из желания насолить бывшему).

Проблемы начались у эскалатора.

Адриан замер перед движущейся лестницей, сузив глаза.

— Это магия, — констатировал он. — Лестница, которая пожирает людей и уносит их наверх.

— Это электричество, Адриан. Просто встань на ступеньку и держись за поручень. Поверь, это безопаснее, чем ехать на лошади по горному серпантину.

Я шагнула первая, обернулась и протянула ему руку. Он посмотрел на мою ладонь, потом на меня. В его глазах на мгновение мелькнул настоящий, человеческий страх перед неведомым. Но он сжал зубы и шагнул вперед.

Он встал так близко, что я почувствовала жар его тела сквозь пальто. Его рука легла мне на талию — небрежно, но властно, ища опору. Мои внутренности сделали сальто. Черт, Ольга Николаевна, тебе сорок три, у тебя диплом психолога и развод за плечами, а ты таешь от того, что тебя приобнял мужик на эскалаторе.!

— Я чувствую движение металла под ногами, — прошептал он мне в самое ухо. Его дыхание опалило кожу. — Твой

мир ленив. Вы заставляете машины ходить за вас.

— Мы просто ценим время, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Нам нужно зайти в «Henderson» или «Massimo Dutti». Вадимовские шмотки на тебе — это преступление против эстетики.

Мы зашли в бутик мужской одежды. Консультант — субтильный юноша с идеально уложенной челкой — подлетел к нам, но, наткнувшись на взгляд Адриана, затормозил так резко, что едва не споткнулся.

— Ч-чем могу помочь? — выдавил он, глядя на Адриана снизу вверх.

— Нам нужно всё, — я обвела рукой зал. — Джинсы, рубашки, пара пиджаков, пальто. И размер... ну, я думаю, это XXL, но в плечах может быть узко.

Началась примерка.

Это было испытание для моих нервов. Адриан заходил в примерочную, и через минуту оттуда слышалось глухое рычание. Он не понимал, как работают пуговицы, он путался в рукавах. В какой-то момент мне пришлось зайти к нему, чтобы помочь застегнуть рубашку.

В тесном пространстве примерочной, залитом ярким светом, он казался еще огромнее. Он стоял без рубашки, и я снова увидела шрамы на его груди и клеймо на спине.

— Твои руки... они холодные, — он перехватил мои пальцы, когда я пыталась совладать с верхней пуговицей белой сорочки. — И они дрожат. Почему, Ольга?

— Потому что здесь тесно, Адриан. И потому что ты... ты слишком большой для этого магазина.

— Я большой для этого мира, — он отпустил мою руку и посмотрел на себя в зеркало. Белая рубашка из дорогого хлопка подчеркнула бронзу его кожи и синеву глаз. — Я выгляжу как один из тех павлинов, что ходят снаружи?

— Нет, — я сглотнула. — Ты выглядишь как человек, который может купить этот магазин... или сжечь его. Тебе идет.

Мы вышли из бутика через час, нагруженные пакетами. Адриан теперь был в темно-синих джинсах и кожаной куртке-пилоте, которая каким-то чудом села ему по фигуре. Он шел так, словно на нем всё еще были доспехи — гордо, не сгибая спины.

Я чувствовала на себе взгляды других женщин. Это была смесь восхищения и жгучего вопроса: «Где она такого взяла?». Укол ревности — острый и неожиданный — заставил меня подойти к нему ближе и взять его под локоть. Адриан моментально накрыл мою ладонь своей.

— Ты недовольна, — заметил он. — Твой запах изменился. В нем появилась горечь.

— Это просто усталость, — соврала я.

Мы решили перекусить на фуд-корте. Именно там всё и случилось.

В ТЦ всегда полно «золотой молодежи» — подростков на дорогих кроссовках, с вейпами в руках и абсолютной уверен-

ностью в собственной безнаказанности. Группа таких парней, лет по девятнадцать-двадцать, сидела за угловым столиком. Когда мы проходили мимо, один из них — высокий блондин в безразмерном худи — намеренно выставил ногу.

Я едва не споткнулась, но Адриан удержал меня, прижав к себе.

Парни заржали.

— Осторожнее, тетя, — лениво бросил блондин, выдыхая облако пара с запахом химозной клубники. — Глаза на затылке отращи, а то расшибешься, папик не поможет.

Я почувствовала, как Адриан замер. Всё вокруг словно подернулось инеем. Воздух стал тяжелым, как перед ударом молнии.

— Адриан, идем, — я потянула его за рукав. — Это просто дети. Глупые, невоспитанные дети.

Но инквизитор меня не слышал. Он медленно обернулся к столику.

Подростки, привыкшие, что взрослые либо игнорируют их, либо начинают возмущаться (что дает повод для нового раунда хамства), вдруг заткнулись. Блондин попытался было ухмыльнуться, но ухмылка сползла с его лица, как мокрая маска.

Адриан не сделал ни шага. Он просто посмотрел на них.

Это был не взгляд рассерженного мужчины. Это был взгляд судьи, который видит не наглого юнца, а черную плесень на корне дерева. В его глазах отразились века костров,

пыточных подвалов и абсолютной, ледяной убежденности в своей правоте.

— Юноша, — голос Адриана прозвучал негромко, но люди за соседними столиками начали оборачиваться. — В моем мире за такое неуважение к женщине тебе бы вырвали язык. И никто бы не спросил, чей ты сын.

— Слышь... ты чего... — блондин попытался встать, но его ноги словно превратились в вату. Он осел обратно на стул. Его друзья, секунду назад такие дерзкие, теперь старательно изучали свои подносы с бургерами.

Адриан подошел на один шаг. Всего один. Но подростки вжались в стулья так, будто на них рухнул потолок.

— Твоя жизнь пуста, как этот дым, который ты выпускаешь из своего рта, — продолжал Адриан. — Ты думаешь, что ты силен, потому что у тебя есть деньги твоего отца? Сила — это то, что остается, когда у тебя забирают всё. У тебя же останется только вонь страха.

Он наклонился к самому лицу блондина. Тот задрожал. Реально задрожал, мелко и позорно.

— Уйди с глаз моих, пока я не решил, что твоя душа требует немедленной очистки.

Парни сорвались с места одновременно. Они не ушли — они бежали, бросив недоеденную еду и свои вейпы. На фуд-корте воцарилась тишина. Десятки людей смотрели на Адриана с благоговейным ужасом.

Он повернулся ко мне. В его глазах еще догорали угли той

древней, беспощадной силы.

— Ты просила не убивать, Ольга. Я выполнил твою просьбу. Но эти... щенки... они не знают, что такое честь. Как ты выживаешь в мире, где слабость считается нормой?

Я перевела дыхание. Сердце колотилось в горле. Я видела много уверенных мужчин, но это... это было за пределами человеческого понимания. Он просто подавил их волю. Раздавил их своим присутствием.

— Я выживаю, напоминая себе, что я умнее, — ответила я, подходя к нему. — Но должна признать... это было впечатляюще. И очень... очень сексуально, черт бы тебя побрал.

Последнюю фразу я прошептала так тихо, что он не должен был слышать. Но Адриан прищурился, и в его взгляде на мгновение промелькнула искра понимания и охотничьего азарта.

— Сек...суально? — он повторил незнакомое слово, пробуя его на вкус. — Это значит, что твое сердце сейчас бьется для меня?

— Это значит, что нам пора домой, Адриан. Пока ты не устроил здесь массовое покаяние.

Мы шли к выходу, и я кожей чувствовала, как женщины провожают нас взглядами. Теперь в этих взглядах было не только восхищение, но и страх. Они видели хищника. И они видели женщину, которая ведет этого хищника на поводке.

Только я знала правду: поводка не существует. Есть только рука на моей талии и обещание, которое он дал мне на

кухне.

Мы вышли на улицу. Осенний московский воздух показался мне невероятно свежим.

— Ольга, — он остановился у машины. — Та женщина в стеклянной лавке... она смотрела на меня так, словно хотела сорвать с меня одежды. В твоём мире женщины всегда так... голодны?

Я невольно рассмеялась, открывая дверь машины.

— Не всегда, Адриан. Только когда видят кого-то, кто напоминает им о том, какими должны быть настоящие мужчины. Поехали. У нас впереди ещё долгий вечер.

Я села за руль, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит натянутая струна. Ревность? Возможно. Но к ней примешивалось странное чувство триумфа. Вадим со всеми его деньгами и связями никогда не смог бы сделать того, что сделал Адриан одним взглядом.

Мой инквизитор учился жить в бетонных джунглях. И, судя по всему, он собирался стать здесь вожаком стаи.

Глава 9

Утро в зеркале выглядело подозрительно бодрым для женщины, чей дом превратился в перевалочный пункт между мирами. Я подкрашивала ресницы, стараясь не думать о том, что в моей гостиной сейчас сидит человек, способный взглядом довести до инфаркта стайку мажоров.

— Значит, слушай внимательно, Адриан, — я вышла из ванной, поправляя воротник шелковой блузки цвета спелой сливы. — С этого момента ты мой кузен. Троюродный. По материнской линии. Адриан Горский.

Он сидел на диване, непривычно прямой в новой кожаной куртке, и задумчиво вертел в руках мой смартфон. После вчерашнего «выхода в свет» он вел себя тише, но в его глазах всё еще плескалось темное недоверие к этому миру пластмассы и стекла.

— Адриан Горский? — он попробовал имя на вкус. — Звучит как имя наемника из северных провинций. Почему я не могу быть просто Адрианом?

— Потому что Адриан без фамилии и отчества в Москве — это либо звезда эстрады, либо нелегал без патента. А ты у нас — жертва строгого воспитания. Ты вырос в закрытом горном монастыре в Черногории. Очень глубоко в горах. Там не было интернета, женщин и телевизоров. Ты приехал ко мне на реабилитацию после того, как монастырь... э-э... по-

пал под обвал.

Адриан поднял бровь.

— Обвал? Ты хочешь, чтобы я лгал о гибели братьев по духу?

— Я хочу, чтобы ты выжил здесь, не оказавшись в клетке. Психология, Адриан, — это искусство менять одну реальность на другую, более удобную. Просто молчи. Если тебя о чем-то спросят, смотри сурово и кивай. Твоя нелюдимость спишется на монастырский устав.

Он медленно встал. В узком коридоре моей квартиры он снова показался мне слишком огромным, слишком... настоящим. Новый гардероб скрыл шрамы, но он не мог скрыть ту ауру древней, беспощадной силы, которая исходила от него, как жар от печи.

— Я пойду с тобой в твой «храм исцеления», — произнес он. — Но не потому, что мне нравится эта легенда. А потому, что я обещал защищать тебя. А за дверями этого дома я чую больше лжи, чем в яме с гадюками.

Мой психологический центр «Нить Ариадны» располагался в тихом переулке старой Москвы. Старинный особняк, высокие потолки, запах дорогого дерева и едва уловимый аромат эфирных масел — я строила этот бизнес десять лет, вкладывая в него каждую копейку, которую Вадим считал «тратами на булавки».

Рита, моя бессменная секретарша — женщина пятидесяти лет с идеальным пучком на затылке и взглядом, способ-

ным определить платежеспособность клиента по звуку шагов, — при виде Адриана выронила ручку.

— Ольга Николаевна... это... — она осеклась, глядя на моего «кузена» снизу вверх.

— Это Адриан, мой родственник, — я прошла к своему кабинету, не оборачиваясь. — Он побудет у меня в качестве ассистента-стажера. Адриан, это Маргарита Степановна. Она здесь главная, так что не вздумай её пугать своим «монастырским» видом.

Адриан коротко кивнул. Рита, обычно острая на язык, только беззвучно открыла рот. Я видела, как она проводила его взглядом. Кажется, легенда о монастыре легла на благодатную почву: в глазах Риты уже зажегся интерес к «запретному плоду» в кашемировом джемпере.

В моем кабинете было уютно. Кресла с обивкой из нубука, мягкий свет торшеров, стеллажи с книгами. Я надеялась, что Адриан просто посидит в углу, изображая мебель, пока я проведу пару сеансов.

— Садись туда, — я указала на кресло у окна, подальше от зоны видимости клиента. — И ради бога, Адриан, не вмешивайся. Что бы ты ни услышал.

— Я буду тише тени на кладбище, Ольга, — ответил он, опускаясь в кресло.

Но его присутствие заполняло комнату до краев. Я чувствовала его взгляд на затылке, когда просматривала записи. Это было странное ощущение: я была в своем кабинете, в

своей стихии, но теперь у этой стихии был надсмотрщик.

В 11:00 пришла Инна.

Инна была моей «тяжелой» клиенткой. Тридцать пять лет, тонкие запястья, вечно заплаканные глаза и тихий, дрожащий голос. Она полгода рассказывала мне о своем муже-тиране, который контролирует каждый её шаг, унижает и, как она намекала в прошлый раз, «поднимает на неё руку». Мы готовили документы для развода и судебного иска.

— Ольга Николаевна, — Инна присела на край кресла, нервно терзая кружевной платочек. — Он снова... он вчера накричал на меня при детях. Сказал, что я ничтожество. Я боюсь возвращаться домой. Он... он ведь может меня убить.

Я сочувственно кивнула, делая пометку в блокноте. Мое сердце профессионала обливалось кровью. Я уже видела эту картину сотни раз: домашнее насилие, подавление воли. Я была готова подписать все бумаги.

— Инна, мы уже говорили. Вам нужно уехать в кризисный центр. Мы обеспечим юридическую поддержку...

— Он не даст мне уйти! — Инна всхлипнула, закрывая лицо руками. — Он отберет детей. Он такой влиятельный... Вы не понимаете, каково это, когда тебя ненавидят за сам факт твоего существования.

В этот момент в комнате что-то изменилось. Температура словно упала на пару градусов. Я почувствовала, как Адриан за моей спиной выпрямился.

— Лжешь, — короткое слово прозвучало как удар хлыста.

Инна вздрогнула и обернулась. Она только сейчас заметила мужчину в углу. Адриан встал. Он не подходил ближе, но его фигура заслонила свет из окна, отбрасывая длинную, тяжелую тень прямо на Инну.

— Адриан, замолчи! — я бросила на него яростный взгляд. — Инна, простите, это мой ассистент, он...

— Ты лжешь, женщина, — повторил Адриан, игнорируя меня. Его голос был лишен эмоций, он звучал как приговор инквизиции. — От тебя не пахнет жертвой. От тебя пахнет холодной сталью и расчетливым ядом. Ты не боишься своего мужа. Ты его презираешь. И ты хочешь его уничтожить не потому, что он силен, а потому, что он стал тебе мешать.

Инна замерла. Её плачущая маска на мгновение дрогнула, обнажив нечто иное — острое, злое, совершенно не похожее на её обычный образ.

— Кто это? — она перевела взгляд на меня, и в её голосе больше не было дрожи. — Ольга Николаевна, что это за хамство? Почему посторонний человек...

— Посмотри мне в глаза, — Адриан сделал шаг вперед. Всего один, но Инна вжалась в спинку кресла. — Я видел тысячи грешников. Я видел тех, кто кричал от боли, и тех, кто наносил удары. Ты... ты сейчас наносишь удар. Твои слезы не соленые, в них нет горечи. В них только желчь. Твой муж не тиран. Он — твоя преграда к чужим деньгам.

— Адриан, немедленно выйди! — я вскочила, но Инна вдруг... рассмеялась.

Это был сухой, неприятный смех. Она откинулась на спинку кресла, и вся её «хрупкость» осыпалась, как старая штукатурка. Она достала из сумочки зеркальце, спокойно поправила макияж и посмотрела на Адриана с нескрываемым интересом.

— А ваш «монашек» чертовски проницателен, Ольга Николаевна, — произнесла она холодным, властным тоном. — Где вы такого откопали? В нем есть порода. Не то что у моего размазни-мужа, который рыдает каждый раз, когда я грожу ему разводом.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Мой профессиональный мир, выстроенный на эмпатии и доверии, только что рухнул. Шесть месяцев она водила меня за нос. Шесть месяцев я верила в её «ад», а Адриан раскусил её за пять минут.

— Вы... вы всё это время вралли? — выдавила я.

— Я создавала нужный контекст, дорогая, — Инна встала, поправляя юбку. — Развод — это война. А на войне все средства хороши. Но ваш... кузен... он испортил мне настроение. Знаете, у него такой взгляд, будто он уже видит меня на костре. Брр.

Она направилась к выходу, но у двери обернулась, бросив на Адриана жадный взгляд.

— Если решите его уволить, Ольга Николаевна, дайте знать. Мне всегда нужны люди, которые видят суть вещей. Хотя боюсь, он слишком дорогой для меня. Такие мужчины

не продаются за деньги.

Когда дверь за ней захлопнулась, в кабинете воцарилась тишина. Я медленно опустилась в свое кресло, чувствуя себя полной идиоткой.

Адриан подошел и сел на край моего стола. Он не выглядел торжествующим. Он выглядел... уставшим.

— Почему ты не увидела этого, Ольга? — тихо спросил он. — Она ведь даже не старалась. Её ложь была такой жирной, что застилала свет.

— Потому что я привыкла верить людям, Адриан! — я всплеснула руками. — В моем мире, если женщина плачет и говорит о насилии, мы помогаем ей. Мы не ищем «запах яда». Мы люди, а не инквизиторы!

— И поэтому вы так уязвимы, — он протянул руку и накрыл мою ладонь своей. Его прикосновение было неожидан-но нежным. — Ты ищешь в людях божественную искру, но забываешь, что многие из них давно обменяли её на звонкую монету. Эта женщина... она не была ранена снаружи. Она гниет изнутри.

Я посмотрела на нашу соединенную руку. Кашемир, шелк, современный кабинет... и этот человек, который за несколько минут разрушил мои профессиональные бастионы. Я поняла, что Адриан — это не просто проблема с документами. Это инструмент невероятной мощи. Если он так легко видит ложь, он может стать золотой жилой для моего центра. Консультации, сложные разводы, корпоративные

конфликты...

Но тут же меня обжег страх.

Допустить его так близко к своей работе? Сделать его частью своей жизни не на уровне «спасателя», а на уровне партнера? Это означало признать, что мой мир — несовершенен. А еще это означало, что я никогда не смогу скрыть от него собственные чувства.

Если он видит ложь Инны, значит, он видит и то, как сильно меня тянет к нему. Как бешено колотится мое сердце, когда он просто стоит рядом. Как я боюсь своего одиночества и как сильно я хочу, чтобы он никогда не возвращался в свой тринадцатый век.

— Ольга? — он чуть сжал мои пальцы. — Ты снова ушла в свои мысли. В них сейчас много теней.

— Это просто работа, Адриан, — я высвободила руку и встала, стараясь вернуть себе деловой тон. — Ты был прав насчет Инны. Спасибо. Но в следующий раз... постарайся быть менее... инквизиторским. Мы здесь лечим, а не судим.

— Одно невозможно без другого, — бросил он, вставая. — Но я буду стараться. Ради тебя.

Я вышла из кабинета, чувствуя на спине его внимательный взгляд. Рита у своего стола что-то строчила в журнале, но я знала — она слышала каждое слово. Моя жизнь стремительно неслась под откос, и самым пугающим было то, что мне это начинало нравиться.

Я поняла одно: Адриан — это оружие. И теперь мне нужно

было решить, готова ли я нажать на курок, зная, что первой жертвой может стать мое собственное сердце.

Когда мы выходили из центра, я заметила на противоположной стороне улицы черный автомобиль с тонированными стеклами. Он стоял там всё время, пока мы были внутри. И когда мы тронулись, он медленно поехал за нами.

— За нами хвост, — спокойно заметил Адриан, пристегивая ремень безопасности. — Твой «червь» прислал стражу?

Я крепчежала руль. Вадим не умел так тихо и профессионально следить. Это был кто-то другой. И у меня появилось нехорошее предчувствие, что легенда о монастыре — это самая маленькая ложь, с которой нам придется столкнуться.

Глава 10(Адриан)

(от лица Адриана)

Этот город никогда не спал по-настоящему. Он лишь затихал, превращаясь в припадочного зверя, который вздрагивает во сне и пускает ядовитые огни по своим венам-дорогам. В моем мире ночь принадлежала Богу и тишине, здесь же она была наполнена гулом невидимых механизмов и холодным светом, который просачивался сквозь щели в тяжелых полотнах на окнах.

Я сидел на полу в гостиной, скрестив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.